

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ / NATIONAL HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.59>

ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Ю.В. ЕГОРОВОЙ «БЫТОВАЯ СТОРОНА ЖИЗНИ УРАЛЬСКОЙ КАЗАЧКИ (НРАВСТВЕННЫЙ УКЛАД, СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ТРАДИЦИИ, УКЛАД ЖИЗНИ И ДРУГИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ)»

Научная статья

Дубовиков А.М.^{1,*}

¹ Поволжский государственный университет сервиса, Тольятти, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (alex@dubovikov[at]yandex.ru)

Аннотация

В данной статье показаны неточности и ошибки, имевшие место в статье оренбургского историка Ю. В. Егоровой, посвящённой особенностям, связанным с домашним и социальным бытом женщины в Уральском (до 1775 года – Яицком) казачьем войске. В её статье речь идёт о казачестве и казачках в целом, но это никак не связано с бытом именно уральских казачек и их роли в казачьей семье. Очевидно, Ю. В. Егорова подразумевает под уральскими казачками оренбургских казачек, хотя это совсем не одно и то же. Свидетельством тому является список литературы, где из одиннадцати источников только один посвящён уральскому казачеству. Параллельно автор данной статьи, исправляя неточности, присутствующие в статье Ю. В. Егоровой, показывает, какой была реальная жизнь уральской казачки.

Ключевые слова: уральское казачество, уральская казачка, эволюция брачно-семейных отношений у казаков, предания яицких казаков, П. С. Паллас, Ф. Фрейман.

REMARKS TO THE ARTICLE BY Y.V. EGOROVA "EVERYDAY LIFE OF A URAL COSSACK (MORAL WAY OF LIFE, FAMILY RELATIONS, TRADITIONS, LIFESTYLE AND OTHER COMPONENTS)"

Research article

Dubovikov A.M.^{1,*}

¹ Volga Region State University of Service, Tolyatti, Russian Federation

* Corresponding author (alex@dubovikov[at]yandex.ru)

Abstract

This article shows inaccuracies and errors in the article by the Orenburg historian Y. V. Egorova, dedicated to the specifics related to the domestic and social life of women in the Ural (until 1775 – Yaitsky) Cossack army. Her article refers to Cossacks and Cossack women in general, but it has nothing to do with the life of Ural Cossack women and their role in the Cossack family. Obviously, Y.V. Egorova means the Orenburg Cossacks by Ural Cossacks, although this is not the same thing. This is evidenced by the list of literature, where out of eleven sources only one is devoted to the Ural Cossacks. In parallel, the author of this article, correcting the inaccuracies present in the article by Y. V. Egorova, shows what the real life of an Ural Cossack was like.

Keywords: Ural Cossacks, Ural Cossack, evolution of marriage and family relations among Cossacks, legends of the Yatsk Cossacks, P. S. Pallas, F. Freiman.

Введение

Абсолютное большинство научных трудов, посвящённых казачеству, обычно затрагивают военную тематику. Другая категория – это работы о быте казаков и их семей, включая кухню, одежду, обряды и т.п. Например, диссертация С.К. Сагнаевой [18]. Но работ, посвящённых эволюции семейных отношений и роли в них женщины, практически нет. Исключением можно считать две статьи Ю.В. Егоровой, вышедшие в 2010 и 2012 годах [5], [6]. Первая из них посвящена семейным традициям и праздникам в нескольких казачьих войсках. Вторая стала продолжением первой, но полностью была посвящена, как значится в её заглавии, «бытовой стороне жизни уральской казачки».

Хотя вторая статья и изобилует красивыми фразами, посвящёнными казачкам и казачеству в целом, зачастую это идёт в ущерб конкретике. Среди одиннадцати книг, статей и документов, указанных в списке источников и литературы, непосредственно уральскому казачеству посвящена лишь одна статья. Также можно отметить известный труд П.С. Палласа [11]. Прочие работы посвящены либо всему казачеству в целом, либо Оренбургскому казачьему войску, либо всему русскому народу в целом. Есть также статьи, являющиеся публицистикой, не имеющей отношения к научным трудам.

Описывая свадьбу в Уральском войске, Ю. В. Егорова смешивает воедино работы А. В. Терещенко, А. П. Кузнецова, М. Ф. Старикова, не имеющие к уральскому казачеству никакого отношения. Исключение – работа П. С. Палласа, хотя между тем, что описывали П. С. Паллас и Ф. М. Стариков, лежит более чем столетний период.

Возникает мнение, что Ю.В. Егорова не может отличить уральское казачество от оренбургского, хотя это совершенно разные локальные группы российского казачества. Их различия не столько географические, сколько исторические, культурно-бытовые и даже ментальные.

Основная часть

Оренбургское войско было создано в середине XVIII века, в основном, из числа повёрстанных в казаки солдат и крестьян, а также бывших самарских казаков. Незначительную часть составили зачисленные в казачье сословие представители живших в крае нерусских народов. При этом самарские казаки изначально были служилыми, а не вольными, как яицкие или донские.

А.В. Терещенко Ю. В. Егорова назвала «автором многочисленных трудов о светлом и гармоничном мире народной культуры XIX века» [5, С. 92]. Возможно, это так. Но Терещенко, родившийся в Полтавской губернии, учившийся в Харькове и работавший в Петербурге, в Уральском войске никогда не был, а познать уникальную культуру уральских казаков, не прожив в их землях хотя бы какое-то время, практически невозможно. Поэтому строки об уральцах носят у Терещенко репрезентативный характер, зачастую без указания использованных работ уральских казачьих авторов.

П.С. Паллас, описывая особенности сватовства и свадьбы в тогда ещё Яицком войске, посвятил этому одну страницу [12, С. 418], тогда как Яицкому войску в целом он уделил полторы сотни страниц. Больше всего места Паллас отвёл описанию рыболовств и рыборотговли – свыше двадцати страниц (эта тема вызвала у него даже больший интерес, чем специфика военной службы или круговой демократии).

Пересказывая Палласа почти дословно [5, С. 91-92], Ю.В. Егорова, однако, опустила некоторые детали. Например, где тот пишет, что от помолвки («сговора») до свадьбы проходит до 20 недель, во время которых жених уже «может обходиться с невестой так, как с женою» [12, С. 418]. То есть, может вести интимную жизнь до брака свободно, не встретив осуждения? Неизвестно, откуда у Палласа появилась такая информация? Также он пишет: «Женский пол ... имеет склонность к щегольству и любви» [12, С. 416]. Щегольство, наверное, присутствовало. А что значит «склонность к любви»? К распутству, что ли? Пояснений у Палласа не нашлось. И как такое связать со словами Ю.В. Егоровой, что «никогда девушка не показывалась на улице одна (всегда в сопровождении матери, тетки, брата или крестной)»? [5, С. 91-92] Как связать с нарисованным автором образом идеальной благочестивой женщины-казачки? Приведённая цитата взята у оренбургских авторов, но при чём тут уральские казачки, у которых не было ничего подобного? Более того, ранее Ю.В. Егорова описывала развлечения неженатой молодёжи, в ходе которых никому не требовались сопровождение и контроль.

Рассказ Палласа о свадьбе вызывает ряд вопросов. Отправляясь из Яицкого городка в Гурьев, он отметил, что «записывание učinённых по сие время примечаний, задержали меня там до 12 числа августа» [12, С. 535]. Паллас имел в виду период с 1 по 12 августа, в течение которого он, находясь в Яицком городке, делал свои записи. Период его нахождения в Яицком городке почти полностью пришёлся на время успенского поста (1-14 августа по старому стилю). Он просто не мог быть очевидцем венчания и свадебных обрядов. Возможно, до него дошла искажённая информация, которую он дополнил ошибочными представлениями.

«Казачья православная семья в старые времена - это домашняя церковь», – пишет Ю. В. Егорова [5, С. 90]. Но хорошо известно, что подавляющее большинство уральских казаков не исповедовали официального православия, а придерживались различных направлений старообрядчества (если не считать небольшого числа мусульман и буддистов среди них).

Говоря о казачьей семье и о месте в ней женщины, было бы желательно отследить эволюцию казачьей семьи как социального института в старых казачьих войсках, к коим относится и Яицкое (Уральское) казачье войско.

На раннем этапе своей истории казаки не отягощали себя семейной жизнью. Захваченных во время набегов пленниц использовали в качестве временных жён, продавали или обменивали, когда те надоедят. Информация об этом присутствует не только в казачьих легендах, но и у восточных авторов, чьи земли подвергались казачьим набегам. К примеру, набег яицких казаков на Хивинское ханство (1603 год) описал Абулгази-бахадур, сын хана Араб-Магомета, чьё ханство подверглось набегу. Абулгази пишет, что, наряду с богатыми трофеями, казаки захватили тысячу женщин [16, С. 347].

В 1748 году П. Н. Рычков записал у яицкого войскового атамана Ильи Меркурьева предание, согласно которому, некто по имени Василий Гугня «нарушил прежний обычай яицких казаков, которые, уходя в поход, бросали своих жён, а из похода привозили новых». Пример Василия переняли и другие казаки, после чего у них «появились постоянные жёны» [16, С. 17]. Одиннадцатью годами позже, со слов нового атамана, Андрея Бородина, Рычков записал другое предание. Теперь уже первым, с кого начались традиционные семьи, был Тит Фёдоров [17, С. 283-284]. К обоим рассказам Рычков отнёсся скептически, так как, со слов самих рассказчиков, когда это было – неизвестно, и было ли вообще в реальности [17, С. 290].

Попытка проследить эволюцию семейных отношений в статье Ю. В. Егоровой оказалась скромной; автор лишь упомянула цитату Палласа, где шла речь о лёгкости разводов в более ранние времена [5, С. 92]. Паллас, посетивший Яицкое войско в 1769 году, услышал эту информацию у яицких казаков [12, С. 417].

В новых казачьих войсках говорить об эволюции казачьей семьи не приходится, поскольку все они были сформированы государством, и в них изначально присутствовали традиционные семейные отношения.

«В общине объединялись функции производственного коллектива нескольких семей», – пишет Ю. В. Егорова [5, С. 92]. Но Уральское войско являлось единой общиной, самой большой в России, поскольку объединяла именно всё войско, а не делилось на общины в рамках отдельных станиц.

«В казачьей семье все мужчины служили: и дед, и отец, и братья, и сыновья. А бабушки, матери, сестры и дочери были трудолюбивыми», – далее пишет Ю.В. Егорова. И добавляет, что вся жизнь в казачьих семьях «зидилась на вере в Бога, любви к Отечеству, почитании старших, на тяжёлом физическом труде» [5, С. 90].

Яицкие, затем – уральские казаки были людьми глубоко набожными, тут возражений нет. Но общероссийский патриотизм у них явно уступал место региональному. Они всегда отчаянно дрались за родной Яик и родную старую веру с кем угодно, будь то степняки, царские власти или большевики. Центральную власть они обычно называли

«Москвой», даже если столицей России давно был Петербург. «Москва» хотя и не была врагом, но была чем-то чуждым, и вряд ли родным. Кстати, слово «отечество» у них означало всего лишь бороду, лишиться которой для казака-старообрядца было бы большой трагедией.

«В казачьей семье все мужчины служили» не всегда. В Яицком войске, как отметил тот же Паллас, все, кто отправлялись на службу, получали деньги, собранные с остающихся дома. Так многие шли служить вне очереди, желая, сверх установленного жалования, получить деньги, а, если получится, то и трофеи. Этим добровольцев называли охотниками [12, С. 419-420]. Полученные ими деньги называли подмогой, а такой порядок прохождения службы – наёмкой. Очередник мог уклониться от выхода на службу, отказавшись от подмоги, которая достанется заменившему его охотнику. Уклонялись от службы, как правило, богатые казаки, прежде всего – скотопромышленники. В других войсках казак, выходя из казачьего сословия, переставал быть казаком. Но в Уральском войске казак – это член казачьей общины, к какому бы сословию он ни принадлежал. Например, к купеческому. Лишь у уральцев имела значение не сословная, а кровная принадлежность к потомственным казакам.

Слова, что порой у сестёр-казачек их «*пяtilетние братья уходили с отцами в военные походы*», а затем «*возвращались домой через десяток лет закаленными бойцами*» звучат как сказка. Надо было указать источника, свидетельствующий об участии в походах пятилетних казачат, но, видимо, такого не нашлось. Равно как и о походах, длившихся десяток лет, в ходе которых казак даже не мог побывать дома. Малолетних старшинских детей порой приписывали к сотням и полкам, чтобы в юном возрасте те смогли занять командные должности, но ни в какие походы они не ходили. Иногда детей даже записывали на командные должности, хотя это также было полной фикцией. Так, по данным на 1813 год [14, Л. 3-72об], Пётр Бородин и Харлампий Донсков были пятидесятниками уже в 11 лет, Михаил Донсков – в 10, а Иван Ауктин – в 6. Бородины, Донсковы и Акутины – это известные старшинские фамилии Уральского войска.

Относительно трудолюбия вновь обратимся к Палласу. «*Молодые люди почти всегда препровождают дни в забавах, и многие козаки вдали в праздность и пьянство*», – пишет он [12, С. 416]. В отличие от него, генерал Фердинанд фон Фрейман не испытывал добрых чувств в отношении яицких казаков, чьё восстание он подавлял летом 1772 года. Но его слова, по сути, аналогичны словам Палласа. Он писал, что все яицкие казаки «*пьяницы, не исключая и женский пол*», правда, они ещё и «*упрямы, горды, зверски злобственны*». По поводу трудолюбия Фрейман добавил: «*К работам ленивцы, хлеба не пахут, а живут от рыбных доходов, с которых каждый казак до двухсот рублёв в год получает*» [15, Л. 36об]. «*У яицких козаков не видно хлебопашества*», – вторит ему Паллас [12, С. 445]. И уточняет: «*Главный промысел и упражнение яицких козаков состоит в рыбной ловле, которая нигде в России так хорошо не распорядена и законами не ограничена, как в здешнем месте*» [12, С. 422].

Хлебопашество всё же появилось в Уральском войске, но лишь в XIX веке, распространившись в северных станицах, где им занялось большинство казаков. В средней части войска, земледелием (в отличие от скотоводства) занимались немногие. Богатые скотопромышленники были, в основном, оттуда. В низовых (южных) станицах хлебопашеством не занимался никто, но жизнь здешних казаков была тесно связана с рыболовством, как в Урале, так и на Каспии. Так как все были членами единой общины, казак с юга мог взять хутор на севере войска, а казак из верхней станицы мог участвовать в любом рыболовном промысле, даже в самом низовье Урала. Рыболовство было не просто промыслом, но и традиционным занятием, освящённым веками. Это был не только труд, но, в какой-то мере, даже удовольствие.

Хотя казакам было позволено бесплатно распахать до 20 десятин земли на душу, даже в самом начале XX века в 1-м (Уральском) отделе этот показатель составлял 11 десятин, в 3-м (Лбищенском) – 8, во 2-м (Гурьевском) – 0,01 [10, С. 5]. У многих отношение к земледельческому труду было презрительным, как к унижительному, «*мужицкому*» занятию. Но небольшая часть казаков брала за дополнительную плату (3 рубля за десятину) очень крупные наделы [2, С. 884]. Эти казаки активно использовали наёмный труд сезонных работников (в основном, крестьян Самарской губернии). Табуны казачьего скота, обычно пасли наёмные чабаны (пастухи) из числа казаков. Казахи были «*работниками*» и на рыболовных промыслах, но прав на долю улова они не имели, работая за оговоренную плату, и выполняя тяжёлую работу.

По мнению Ю.В. Егоровой, казачки, «*по сравнению с женщинами других народов, пользовались большей свободой*» [5, С. 93]. Да уральские казачки были более свободны, чем крестьянки центральной России [4, С. 176]. Но зачем упоминать «*другие народы*», коих в мире свыше пяти тысяч? Не лучше ли ограничиться регионами России или вообще обойтись без сравнений, просто указав на относительную свободу?

В 1772 году, в ходе первого столкновения с войсками Фреймана, казаки смогли приостановить продвижение противника и захватить в плен некоторое число солдат и оренбургских казаков. Решив, что победа близко, казаки отправили в свою столицу гонцов с радостной вестью. Женщины, узнав о пленных, велели передать, что оренбургских казаков надо пощадить, а солдат «*приколоть*». Затем женщины «*пьянствовали и пели*» с оставшимися в городе стариками, а позже, вспомнив, что в городе остались «*послушные*» (не поддержавшие восстание), прячущиеся в своих домах, решили заняться ими. «*Женщины ж их, искали по домам послушной стороны мужчин и били*», – продолжал Фрейман [15, Л. 32об].

Казачьи жёны были хозяйками в своих домах и в XIX веке. В 1837 году С.А. Юрьевич, один из учителей и воспитателей цесаревича Александра Николаевича, сопровождал его в поездке по России. Вспоминая Уральск, он отметил: «*Несколько молодых офицеров до приезда Великого Князя выбрились, но говорят, им придется расплачиваться за сие перед своими матерями и женами, злейшими поборницами раскола, по отъезде Великого князя*» [13].

Примерно тогда же В.И. Даль, чиновник по особым поручениям при Оренбургском военном губернаторе, периодически посещавший Уральск, был знаком с нравами уральских казаков. Он считал, что уральские казачки воспитывают детей «*в постоянных правилах и обычаях домашнего изуверства*» [3, С. 103]. О том же писал и Н.А.

Александров: «Женщины у казаков не только распоряжаются всем в доме, но и воспитывают детей; они все знают церковную грамоту и сами даже служат по старопечатным книгам» [1, С. 40]. Поэтому у уральских казаков, в отличие от прочих, уровень грамотности у женщин был выше, чем у мужчин. В. И. Даль так объяснял причину неграмотности героя своего очерка: «Ему грамота и не нужна, это дело родительниц, которые должны замаливать вольные и невольные грехи мужей, отцов, сыновей и братьев» [3, С. 110]. Тот же персонаж, отправляя сына на службу в Москву (для чего следовало сбрить бороду) успокаивал его, «что-де родительницы замолят грех» [3, С. 102-103].

Под «родительницами» уральские казаки понимали не только своих матерей, и даже жён. Так называли всех казачек кроме малолетних девочек. Это и незамужние сёстры, и вообще незамужние девушки, которые пока ещё никого не родили, но в недалёком будущем непременно родят и станут матерями. В связи с этим нельзя согласиться с Ю.В. Егоровой, что взрослая казачка-домохозяйка, имевшая взрослых детей, была главой дома, которую называли «САМА» [5, С. 93]. Что касается слова «сама», то такое утверждение ни на чём не основано, ибо ему нет никаких подтверждений. По крайней мере, к уральским казачкам это не относится.

Цитируя В. Капустину, Ю.В. Егорова пишет, что вдова «получала от станичного общества материальную поддержку и была социально защищена еще в те далекие годы, когда ни в одной развитой европейской стране об этом и не помышляли» [8, С. 136-137]. Ну хватит уже сравнений с «развитыми европейскими странами»! Не пора ли про них забыть! Конечно, вдова не останется без поддержки. Прежде всего, со стороны близких родственников, и уже потом – остальных. Тем более, население абсолютного большинства посёлков Уральского войска было сравнительно небольшим, и почти все жители доводились друг другу родственниками – близкими или дальними.

Нелепо выглядит и утверждение, что «при отсутствии мужа родившиеся и у вдов и девушек дети считались казачками» [5, С. 93]. Как это вяжется с утверждением о целомудрии девушек-казачек, которых даже на улицу отпускали только с сопровождением? В Уральском войске рождение ребёнка у незамужней девушки было бы расценено как ужасный позор для всех родственников, живых и давно ушедших. Во всяком случае, подобных свидетельств в отношении уральских казачек не сохранилось, хотя случаи супружеских измен периодически случались, правда, редко. Обычно это имело место, когда у молодых жён мужа долго отсутствовали дома, неся службу вдалеке, о чём свидетельствовал казачий бытописатель XIX века И.И. Железнов [7, С. 18-19]. Но о девушках речь не идёт. И если бы внебрачная беременность всё же случилась, её непременно пришлось бы прервать, дабы избежать позора и насмешек земляков.

Странно звучит и утверждение, что «этническая культура казачества вобрала в себя ... различные этнокультурные компоненты (славяно-русские, тюркско-татарские, собственно казачьи)» [5, С. 93]. Если автор считает казачество самостоятельным этносом, а его культуру – этнической, то это её право. Но тогда как понимать выражение, что этническая казачья культура вобрала в себя компоненты «собственно казачьи»? Как можно «вобрать компоненты», являющиеся «собственными»? Да и список компонентов можно расширить, добавив компоненты кавказские (осетинские, лезгинские и др.), монгольские (калмыцкие, бурятские и др.) и прочие.

Заключение

Таким образом, содержание статьи Ю.В. Егоровой мало соответствует названию. Речь в ней идёт о какой-то абстрактной казачке, но только не об уральской.

В статье много пафосных фраз, но эти общие слова несут лишнюю смысловую нагрузку. Образ казачки излишне идеализирован, порой оторван от реалий. Но вряд ли образ уральской казачки нуждается в идеализации, ибо он и без этого заслуживает уважения сам по себе.

Уральские казачки в отсутствие мужчин, несших службу, усердно за них молились в старообрядческих молельнях, замаливая грехи мужей, отцов и братьев. А если в такие периоды случались нападения степняков, они, плечом к плечу со стариками и подростками мужественно отражали нападения. XVIII век в истории Яицкого войска был временем мятежей, завершившихся пугачёвщиной, в условиях постоянных набегов «киргизов» (казахов). Тогда женщинам часто приходилось браться за оружие, то стреляя в правительственные войска (в годы пугачёвщины), то отражая набеги казахов на форпосты и крепости, когда казаки были далеко.

Важно отметить и то, что казачки были куда более законопослушными, чем жившие в Уральском войске иногородние женщины, как свидетельствует статистика. Так, в 1866 году, иногородними женщинами, проживавшими в Уральском войске, было совершено значительно больше преступлений, чем казачками, хотя их было примерно в 15 раз меньше [20].

Тот фактор, что практически все уральские казаки были староверами, в статьях Ю.В. Егоровой вообще остался незамеченным, хотя это важная деталь. Старостами и начётчицами – главными лицами в старообрядческих молельных домах, чаще всего были женщины. Они лучше мужчин знали церковную грамоту, и не только её. Как показали переписи конца XIX – начала XX века, в Уральском войске казачки по уровню грамотности не уступали казакам, чего не было в большинстве остальных казачьих войск [19, С. 763].

Заслуживает критической оценки и список литературы, практически не содержащий работ об уральском казачестве, не говоря уже про уральских казачек. Создаётся впечатление, что автор описывает не уральскую, а оренбургскую казачку, не видя никакой разницы.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Александров Н.А. Казаки: донцы и уральцы / Н.А. Александров — М.: А.Я. Панафидин, 1899. — 46 с.
2. Бородин Н.А. Уральское казачье войско / Н.А. Бородин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. — СПб.: Семёновская типолитография И.А. Ефрона, 1902. — Т. XXXIVa. — 509 с.
3. Даль В.И. Уральский казак / В.И. Даль // Избранные произведения В.И. Даля. — М.: Правда, 1983. — С. 100-115.
4. Данилевский К.В. Урало-Каспийский край / К.В. Данилевский, Е.В. Рудницкий. — Уральск: Изд. ГубОНО, 1927. — 232 с.
5. Егорова Ю.В. Семейные традиции и праздники казаков в Уральских, Сибирских и Черноморских станицах / Ю.В. Егорова // Наука и современность. — 2010. — №7-1. — С. 64-71.
6. Егорова Ю.В. Бытовая сторона жизни уральской казачки (нравственный уклад, семейные отношения, традиции, уклад жизни и другие составляющие) / Ю.В. Егорова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2012. — №4 (140). — С. 90-94.
7. Железнов И.И. Василий Струняшев: роман из казачьей жизни / И.И. Железнов // Соч. И.И. Железнова. — СПб.: Общественная польза, 1910. — 211 с.
8. Капустина В. Героини погибшего мира / В. Капустина // Гостиный Двор. — 2008. — №22. — С. 132-140.
9. Масынов Л.Л. Гибель Уральского казачьего войска / Л.Л. Масынов. — Нью-Йорк: Всеславянское книжное издательство, 1962. — 160 с.
10. Обзор Уральской области за 1902 год. — Уральск: Войсковая типография, 2003.
11. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П.С. Паллас. — Уральск: Оптима, 2006. — 272 с.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П.С. Паллас. — СПб.: Императорская Академия наук, 1773. — Ч.1. — 786 с.
13. Пульс. — Уральск, 1992. — № 32.
14. Российский государственный военно-исторический архив. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3092.
15. Российский государственный архив древних актов. — Ф. 6. — Д. 505/1.
16. Родословная история о татарах. — СПб.: Императорская Академия наук, 1768. — Т. 2. — 484 с.
17. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии / П.И. Рычков // Соч. П.И. Рычкова 1762 г. — Оренбург: Оренбургское отделение ИРГО, 1887. — 406 с.
18. Сагнаева С.К. «Материальная культура уральского казачества конца XIX-начала XX века (развитие этнических традиций)» / С.К. Сагнаева // Российский этнограф: Этнологический альманах. Антропология. Культурология. Социология. — 1993. — № 11.
19. Столетие Военного министерства. Т. XI: Главное управление казачьих войск. — Санкт-Петербург: Синод. тип., 1902. — 900 с.
20. Уральские войсковые ведомости. — Уральск, 1867. — №26.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aleksandrov N.A. Kazaki: doncy i ural'cy [Cossacks: Donets and Uralians] / N.A. Aleksandrov — M.: A.Ja. Panafidin, 1899. — 46 p. [in Russian]
2. Borodin N.A. Ural'skoe kazach'e vojsko [Ural Cossack army] / N.A. Borodin // Jenciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. — SPb.: Semenovskaya typolithography of I.A. Efron, 1902. — Vol. XXXIVa. — 509 p. [in Russian]
3. Dal' V.I. Ural'skij kazak [Ural Cossack] / V.I. Dal' // Izbrannye proizvedenija V.I. Dalja [Selected works of V.I. Dal]. — M.: Pravda, 1983. — P. 100-115. [in Russian]
4. Danilevskij K.V. Uralo-Kaspijskij kraj [Ural-Caspian region] / K.V. Danilevskij, E.V. Rudnickij. — Ural'sk: GubONO Publishing House, 1927. — 232 p. [in Russian]
5. Egorova Ju.V. Semejnye tradicii i prazdniki kazakov v Ural'skih, Sibirskih i Chernomorskih stanicah [Family traditions and holidays of Cossacks in the Ural, Siberian and Black Sea villages] / Ju.V. Egorova // Nauka i sovremennost' [Science and modernity]. — 2010. — №7-1. — P. 64-71. [in Russian]
6. Egorova Ju.V. Bytovaja storona zhizni ural'skoj kazachki (nravstvennyj uklad, semejnye otnoshenija, tradicii, uklad zhizni i drugie sostavljajushhie) [The household side of the life of the Ural Cossack (moral way of life, family relations, traditions, way of life and other components)] / Ju.V. Egorova // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Orenburg State University]. — 2012. — №4 (140). — P. 90-94. [in Russian]
7. Zheleznov I.I. Vasilij Strunjashev: roman iz kazach'ej zhizni [Vasily Strunyashev: a novel from the Cossack life] / I.I. Zheleznov // Soch. I.I. Zheleznova [The works of I.I. Zheleznov]. — SPb.: Obshestvennaja pol'za, 1910. — 211 p. [in Russian]

8. Kapustina V. Geroini pogibshogo mira [Heroines of the lost world] / V. Kapustina // Gostinyj Dvor [Gostiny Dvor]. — 2008. — №22. — P. 132-140. [in Russian]
9. Masjanov L.L. Gibel' Ural'skogo kazach'ego vojska [The death of the Ural Cossack army] / L.L. Masjanov. — New-York: Slavic united book publishing house, 1962. — 160 p. [in Russian]
10. Obzor Ural'skoj oblasti za 1902 god [Overview of the Ural region in 1902]. — Ural'sk: Military printing House, 2003. [in Russian]
11. Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskoj imperii [Journey through different provinces of the Russian Empire] / P.S. Pallas. — Ural'sk: Optima, 2006. — 272 p. [in Russian]
12. Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provincijam Rossijskoj imperii [Travel to different provinces of the Russian Empire] / P.S. Pallas. — SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1773. — Pt.1. — 786 p. [in Russian]
13. Pul's [Pulse]. — Ural'sk, 1992. — № 32. [in Russian]
14. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [The Russian State Military Historical Archive]. — F. 489. — Inv. 1. — Doc. 3092. [in Russian]
15. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [The Russian State Archive of Ancient Acts. — F. 6. — Doc. 505/1. [in Russian]
16. Rodoslovnaja istorija o tatarah [Genealogical history of the Tatars]. — SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1768. — Vol. 2. — 484 p. [in Russian]
17. Rychkov P.I. Topografija Orenburgskoj gubernii [Topography of the Orenburg province] / P.I. Rychkov // Soch. P.I. Rychkova 1762 g [The works of P.I. Rychkov 1762]. — Orenburg: Orenburg branch of the IRGO, 1887. — 406 p. [in Russian]
18. Sagnaeva S.K. «Material'naja kul'tura ural'skogo kazachestva konca XIX-nachala XX veka (razvitie jetnicheskikh tradicij)» [Material culture of the Ural Cossacks of the late XIX — early XX century (development of ethnic traditions)] / S.K. Sagnaeva // Rossijskij jetnograf: Jetnologicheskij al'manah. Antropologija. Kul'turologija. Sociologija [Russian ethnographer: Ethnological almanac. Anthropology. Cultural studies. Sociology]. — 1993. — № 11. [in Russian]
19. Stoletie Voennogo ministerstva. T. XI: Glavnoe upravlenie kazach'ih vojsk [Centenary of the Ministry of War. Vol. XI: The Main Directorate of the Cossack troops]. — Saint-Petersburg: Synod. tip., 1902. — 900 p [in Russian]
20. Ural'skie vojskovye vedomosti [Uralsk military gazette]. — Ural'sk, 1867. — №26. [in Russian]